

А.М. Ранчин

© Ранчин А.М., 2021

К ВОПРОСУ О ПРЕТЕКСТАХ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Аннотация. В статье рассматривается вступительная глава «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Доказывается, что трактовка римских императоров-злодеев (Калигулы и Нерона) вымышленным автором вступления как своего рода символических фигур – образцов для прославленных правителей – навеяна оценкой «славных» преступлений французского разбойника Картуша во вступлении из книги Матвея Комарова «История мошенника Ваньки Каина». Автор «Истории одного города», используя модель уподобления нравственно ущербной отечественной исторической личности иноземным преступникам, заменяет простодушное восхищение, характерное для претекста, ироническим. Параллель с книгой о Ваньке Каине не единственная перекличка с произведениями русской литературы XVIII в. во вступлении к хронике Салтыкова-Щедрина. В тексте вступления обнаруживается также соотнесенность с одой М.В. Ломоносова 1747 г.

Ключевые слова: «История одного города»; М.Е. Салтыков-Щедрин; ирония; претекст; М.В. Ломоносов; Матвей Комаров.

Получено: 01.06.2021

Принято к печати: 21.06.2021

Информация об авторе: Ранчин Андрей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 119991, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

Для цитирования: Ранчин А.М. К вопросу о претекстах «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Литературоведческий журнал. 2021. № 3(53). С. 164–174. DOI: 10.31249/litzhur/2021.53.11

Andrei M. Ranchin

© Ranchin A.M., 2021

ON THE QUESTION OF THE PRETEXTS OF THE HISTORY OF ONE CITY BY M.YE. SALTYKOV-SHCEDRIN

Abstract. The article discusses the introductory chapter of the *History of One City* by M.Ye. Saltykov-Shchedrin and argues that the interpretation of the villainous Roman emperors (Caligula and Nero) by the fictional author of the introduction as a kind of symbolic figures – models for famous rulers – was inspired by the assessment of the “glorious” crimes of the French robber Cartush in the introduction of Matvei Komarov’s book *The Story of the Swindler Van’ka Cain*. The author of *The History of One City*, using the model of assimilating a morally flawed domestic historical personality to foreign criminals, replaces the ingenuous admiration characteristic of the pretext with an ironic one. The parallel with the book about Van’ka Kain is not the only echo with the works of Russian literature of the 18th century in the introduction to the chronicle of Saltykov-Shchedrin. The text of introduction also reveals a correlation with the Ode of 1747 by M.V. Lomonosov.

Keywords: *The History of one City*; M.Ye. Saltykov-Shchedrin; irony; pretext; M.V. Lomonosov; Matvey Komarov.

Received: 01.06.2021

Accepted: 21.06.2021

Information about the author: Andrei M. Ranchin, DSc in Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1st building of humanitarian faculties, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

For citation: Ranchin, A.M. “On the Question of the Pretexts of the *History of One City* by M.Ye. Saltykov-Shchedrin”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3(53), 2021, pp. 164–174. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2021.53.11

Вступительное «Обращение к читателю от последнего архивариуса-летописца», приписанное автором «Истории одного города» четвертому глуповскому историографу «смиренному Павлушки, Маслобойникову сыну», открывается следующими словами:

«Ежели древним еллинам и римлянам дозволено было слагать хвалу своим безбожным начальникам и предавать потомству мерзкие их деяния для назидания, ужели же мы, христиане, от Византии свет получившие, окажемся в сем случае менее достойными и благодарными? Ужели во всякой стране найдутся и Нероны преславные, и Калигулы, доблестью сияющие, и только у себя мы таковых не обрящем? Смешно и нелепо даже помыслить таковую нескладицу, а не то чтобы оную вслух проповедывать, как делают некоторые вольнолюбцы, которые потому свои мысли вольными полагают, что они у них в голове, словно мухи без пристанища, там и сям вольно летают» [10, т. 8, с. 267]. Немного ниже летописец дает «утешительный» и «успокаивающий» ответ на эту череду пытливых вопросов: «Таковы-то были мысли, которые побудили меня, смиренного городового архивариуса (получающего в месяц два рубля содержания, но и за всем тем славословящего), купно с троими моими предшественниками, неумытными устами воспеть хвалу славных оных Неронов, кои не безбожием и лживою еллинскою мудростью, но твердостью и начальственным дерзновением преславный наш град Глупов преестественно украсили. Не имея дара стихослагательного, мы не решились прибегнуть к бряцанию и, положась на волю божию, стали излагать достойные деяния недостойным, но свойственным нам языком, избегая лишь подлых слов. Думаю, впрочем, что таковая дерзостная наша затея простится нам ввиду того особливого намерения, которое мы имели, приступая к ней» [10, т. 8, с. 268].

Вступление к щедринской хронике содержит очевидные приметы пародического подражания летописному дискурсу – как в плане содержания (оппозиция язычество – христианство, демонстрация книжником собственного смирения), так и в плане выражения (церковнославянизмы и архаизмы «обрящем», «неумытными устами», «купно», «еллинская» в значении ‘языческая’). С этими элементами «летописного» стиля¹, однако, разительно контрастируют имена римских императоров Калигулы и Нерона, представленных одновременно и как безбожники, как грешники, творившие злодеяния, и как великие властители, стяжавшие славу в

¹ Точнее, это приметы, отсылающие к древнерусской книжности в целом. Но в данном контексте они должны восприниматься как признаки летописания.

потомстве. Калигула и Нерон были известны древнерусским летописцам (например, из переводной Хроники Георгия Амартола, заимствования из которой есть в «Повести временных лет»), но исключительно в качестве одиозных фигур, особенно Нерон, повинный в убийстве апостолов Петра и Павла и ставший символом гонителя христиан. Однако ни Калигула, ни даже Нерон не были значимыми для древнерусских книжников историческими личностями, а их имена не являлись нарицательными. А вот в русской словесности более позднего времени, XVIII в., эти имена приобретают однозначно пейоративные коннотации, а их носители станут олицетворением деспотизма; один из примеров такого их употребления приводит сам Щедрин, укрывшийся за маской издателя, в примечании к «Обращению к читателю», цитируя строки о Калигуле из стихотворения Г.Р. Державина «Вельможа» и упрекая архивариуса в невежестве. Упрек этот, конечно, ироничен, ибо летописец как раз признавал деяния римских автократоров «мерзкими»², хотя такая характеристика прямо соотносится лишь с их «ложной» верой, а не с тиранической сутью совершенных бесчинств. Но, так или иначе, получается, что «преславными» и достойными подражания могут быть именно памятные истории злодеев. Как же можно объяснить появление этих имен в глуповской летописи и на какие претексты мог ориентироваться автор «Истории одного города», приписывая глуповскому летописцу гордость злодействами собственных Неронов и Калигул – пусть деспотов, зато номинальных христиан?

Как заметил Б.М. Эйхенбаум, вступительная глава «Истории одного города» «стилизована под язык XVIII века» [12, с. 464]. Это не совсем точно – ее текст соотнесен все-таки прежде всего с «летописным» стилем, однако приметы, отличительные для изящной словесности XVIII столетия, здесь действительно встречаются. Помимо самих имен Калигулы и Нерона это прежде всего фрагмент, открывающийся строками «Не имея дара стихослагательного, мы не решились прибегнуть к бряцанию». Если формула скромности, здесь присутствующая, напоминает скорее о древнерусской топике смирения, хотя встречается еще в Античности и в

² При этом «назидание», которое содержат, согласно летописцу, примеры Калигулы и Нерона, остается неясным: это может быть, например, понуждение к смирению и к признанию богоустановленной природы власти.

позднейшей европейской литературе³, то лексема «брязгание» в значении ‘игра на лире’ как метафорическое именование поэзии явным образом отсылает к одному из хрестоматийных произведений русской торжественной поэзии XVIII в. – к ломоносовской «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1747 года». У М.В. Ломоносова:

Какая светлость окружает
 В толикой горести Парнас?
 О коль согласно там бряцает
 Приятных струн сладчайший глас!
 Все холмы покрывают лики;
 В долинах раздаются клики:
 Великая Петрова дщерь
 Щедроты отчи превышает,
 Довольство муз усугубляет
 И к счастью отверзает дверь [7, с. 202].

Признание щедринского летописца в намерении избегать «подлых», т.е. низких, слов вполне созвучно языковой программе Ломоносова – автора одицких стихотворений.

Соотнесенность с ломоносовской одой как с претекстом этим, по-видимому, не ограничивается. Ее создатель выражал уверенность в способности России «рождаться» «собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов» [8, с. 206] – дать достойный ответ европейским просвещению и науке. Салтыков-Щедрин, прибегая к скрытой паронимической игре с именами «Невтона»-Ньютона и Нерона, словно отвечает: уж если не в науках, то в свойстве порождать деспотов Россия Европе, в том числе и античной, не уступит точно.

Сам по себе глагол «брязгать» в значении ‘воспевать’, ‘писать стихи’, конечно, не является отличительной чертой только ломоносовского поэтического языка, как и языка поэзии XVIII в.; ср. хотя бы в трех переложениях «Оды I» Анакреона Н.А. Львовым: «Одну любовь бряцает» и «Моя бряцает лира» [6, с. 350, 351] или

³ См. об этом, например: [5, с. 173–176].

в «Поэте и толпе» А.С. Пушкина: «Поэт по лире вдохновенной / Рукой рассеянной бряцал» [8, с. 85]. Тем не менее этот глагол еще в XVIII в. мог восприниматься как необычный для одической поэзии, как характеризующий именно стиль Ломоносова, причем не с лучшей стороны; ср. в «Критике на Оду» А.П. Сумарокова: «Бряцает и бренчит есть слово самое подлое; но еще бренчит лутче, что оно употребляется, а бряцает не употребляется никогда, и есть слово нововымышленное, и подло как выговором, так и знаменованием» [11, с. 86–87]. Соседство лексемы «бряцание» и выражения «подлые слова» в щедринском тексте, как и в критическом разборе туриста Сумарокова, позволяет осторожно предположить, что автор «Истории одного города» отталкивался не только от оды 1747 г., но и от ее недоброжелательного разбора. При этом, однако, в «Истории одного города» поэтическое «бряцание» неявным образом противопоставлено «подлым словам» – как и у Ломоносова.

Источник щедринской иронической трактовки злодеев как предмета для восхищения и для своего рода подражания тоже обнаруживается в литературе XVIII в. – но на сей раз низовой. Это беллетризованная биография «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика ВАНЬКИ КАИНА, всей его жизни и странных похождений, сочиненное М.К. в Москве 1775 года». Сочинение, принадлежащее перу Матвея Комарова, открывается таким «Предуведомлением»: «не только благородные, но среднего и низкого степени люди, а особливо купечество, весьма охотно во чтении всякого рода книг упражняются, с которыми я имея нередкое обхождение, слыхал, как некоторые из них молодые люди, читая переведенную с немецкого языка книжку о французском мошеннике Картуше, удивлялись мошенническим его делам, говоря при том, будто у нас в России как подобных ему мошенников, так и других приключений, достойных любопытного примечания, не бывало.

Что несправедливо сие мнение, о том разумным и знающим дела своего отечества людям довольно известно, а прочим в доказательство можно сказать следующее:

Когда Россия по географическому исчислению одна обширностию своею превосходит все европейские государства, вместе

совокупленные, то нельзя статья, чтоб в такой пространной империи не было таких же и приключений, какие в других государствах, малейших против ее частицах, случаются; ибо натура всех людей равным образом на свет производит, как россиян, так французов, немцев и прочих, и потому во всяком народе добродетельных и порочных людей същется довольно.

Бывали и в нашем отечестве в натуре чудные явления, и в обществе великие дела, и многие достойные примечания перемены; бывали и есть разумные градоначальники, великие герои, неустрешимые полководцы, случались со многими людьми такие приключения, которые достойны б были занять место в историях; бывали и есть великие мошенники, воры и разбойники; но только мало у нас прилежных писателей, а если бы мы столько имели истории писателей, сколько ныне стихотворцев и комедии сочинителей, и некоторые бы люди вели журнал своей жизни, то б, без всякого сумнения, со временем показалось на свет немалое количество достойных любопытного чтения книг и потомки б наши с большим удовольствием читали в оных о делах своих предков, нежели дѣяния иностранных народов» [5, с. 5–6].

Разумеется, никакой иронии у простодушного автора этих строк нет: он истово (и не без основания) убежден, что изощренные и наглые преступления достойны восхищения и славы, напоминая вместе с тем, что слава эта – дурная.

Тексты Салтыкова-Щедрина и Комарова сближает не только трактовка преступников и злодеев как персон, достойных восхищения и славы, но и «патриотический» мотив. Как заметил В.Д. Рак, «уподобление Ваньки Каина знаменитому французскому разбойнику Картушу <...> послужило Комарову стимулом своеобразного *патриотического* восприятия героя своей книжицы: Россия, с гордостью заявляет он в предисловии, ничем не уступает другим странам, в том числе у нее “бывали и есть великие мошенники, воры и разбойники”, чьи “подвиги” не менее славны, чем у их знаменитых, известных всему миру западноевропейских соратников» [9, с. 337]. Аналогичным образом автор «Истории одного города» утверждает достоинство Отечества, обнаруживая в нем властителей-деспотов, ни в чем не уступающих иноzemным тиранам. Только у Салтыкова-Щедрина этот «панегирик» России всецело ироничен.

На вопрос, было ли Салтыкову-Щедрину знакомо сочинение Матвея Комарова, можно ответить положительно. Имя Ваньки Каина было известно сатирику еще в детстве, о чем свидетельствует глава XX «Пошевонской старины»⁴. Однако автор «Истории одного города», несомненно, должен был не только слышать о знаменитом разбойнике, но и читать о нем. Сочинения Матвея Комарова, ставшие лубочными книгами и многократно переиздаваемые, были знакомы таким литературно образованным читателям, как В.Г. Белинский и Л.Н. Толстой⁵. Белинский, впрочем, приписывал Комарову и книги, ему не принадлежавшие, но это свидетельствовало лишь о широкой известности сочинителя. В 1859 г. с рецензией на новое, подготовленное библиографом Г.Н. Геннади издание книги о Ваньке Каине выступил в «Современнике» Н.А. Добролюбов⁶. Критик иронически пересказывал анонимную рецензию журнала «Отечественные Записки», в которой как раз обсуждалось уподобление Ваньки Каина Картушу⁷. Отклик Добролюбова на книгу Матвея Комарова появился в журнале примерно в то время, когда в нем начал сотрудничать автор «Истории одного города».

Щедринское «Обращение к читателю» не содержит, конечно, явных реминисценций из комаровской книги. Так как биография Ваньки Каина не относилась к числу классических произведений, и читатели едва ли стремились запомнить в ней что-либо кроме фабулы, автор «Истории одного города» вряд ли мог рассчитывать на узнавание сходства двух предисловий. Салтыков-Щедрин воссоздает, «цитирует» не сам текст Комарова, а содержащуюся в нем парадигму, модель соотнесения чужеземных и своих мошенников, негодяев и мерзавцев по принципу «и нам есть кем гордиться». Тем не менее едва ли следует относить жизнеописание Ваньки Каина всего лишь к генетическим претекстам «Истории одного города», незначимым, неактуальным для восприятия щедринской хроники. Хотя ее создатель и подражает отчасти структуре летописи, большинство ее событий и персон соотносятся с фактами и

⁴ См.: [10, т. 8, с. 280–288].

⁵ См. об этом: [9, с. 329–330].

⁶ Об атрибуции этой бесподписной рецензии Добролюбову см.: [1, с. 355].

⁷ См.: [2, с. 83]. Ср. текст рецензии, содержание которой излагает Добролюбов: [3, с. 94–100].

лицами русской истории XVIII – первой трети XIX в., т.е. времени уже после исчезновения летописания как историографического жанра. Наивный Матвей Комаров, испытывающий восхищение перед преступными авантюристами, свободными от стыда и совести, для Салтыкова-Щедрина и его читателей мог быть примером внеэтической позиции, оценивающей власть имущих не по нравственной сущности деяний, а по их силе и по масштабу их поступков. Для летописца же такая позиция нехарактерна. Но при этом и древнерусские историографы, и Ломоносов, и Комаров сходны в подходе к истории по принципу ретроспективной аналогии: для событий или лиц настоящего либо будущего ищутся прообразы-прецеденты в прошлом. Это сходство и позволяет автору «Истории одного города» объединить в речевом образе «Павлушки, Маслобойникова сына» приметы средневекового книжника и литератора XVIII столетия. Предисловие к биографии Ваньки Каина – претекст, который словно подтверждает возможность такого отношения к злодеям прошлого и настоящего, какое выражает щедринский «четвертый архивариус».

Список литературы

1. Боград В. Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 825 с.
2. [Добролюбов Н.А.] Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная. Новое издание Григория Книжника [Г.Н. Геннади]. СПб., 1859 // Современник. 1859. № 3. Отд. III. Современное обозрение. С. 82–86.
3. Жизнь Ваньки Каина, новое издание Григория Книжника, Санктпетербург, 1859 // Отечественные Записки. 1859. № 2. Отд. III. Русская литература. С. 94–100.
4. Комаров М. История мошенника Ваньки Каина. Милорд Георг / подгот. текста и коммент. В.Д. Рака. СПб.: Журнал «Нева»; «Летний Сад», 2000. 384 с.
5. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье / пер. с нем. Д.С. Колчигина. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. Т. 1. 560 с.
6. Лаппо-Данилевский К.Ю. Львовский канон русской анакреонтики // Литературная культура России XVIII века. Вып. 8 / под ред. П.Е. Бухаркина, Е.М. Матвеева. СПб.: Геликон Плюс, 2019. С. 340–363.

7. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. 1280 с.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977. Т. 3: Стихотворения, 1827–1836. 495 с.
9. Рак В.Д. Комментарии // Комаров М. История мошенника Ваньки Каина. Ми-лорд Георг / подгот. текста и comment. В.Д. Рака. СПб.: Журнал «Нева»; «Летний Сад», 2000. С. 329–382.
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977.
11. Сумароков А.П. Критика на Оду // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе <...> Александра Петровича Сумарокова / Собранны и изданы <...> Николаем Ивановичем Новиковым <...>. 2-е изд. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1787. Т.Х. С. 77–91.
12. Эйхенбаум Б.М. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина (Коммен-тарий) // Эйхенбаум Б.М. О прозе: сб. статей / сост. и подгот. текста И. Ямполь-ского; вступит. ст. Г. Бялого. Л.: Художественная литература. Ленингр. отд., 1969. С. 455–502.

References

1. Bograd, V. *Zhurnal «Sovremennik». 1847–1866: Ukaratel' soderzhaniya* [The Sovremennik Journal. 1847–1866: Index of Contents]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1959, 825 p. (In Russ.)
2. Curtius, E.R. *Evropeiskaya literatury i latinskoe Srednevekov'e* [European Literature and the Latin Middle Ages], transl. from German by D.S. Kolchigin, 2nd ed. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK Publ., 2021. Vol. 1, 560 p. (In Russ.)
3. Dobrolyubov, N.A. “Zhizn' Van'ki Kaina, im samim rasskazannaya. Novoe izdanie Grigoriya Knizhnika. SPb. 1859” [“The Life of Van'ka Kain, Told by Himself”]. *Sovremennik*, no. 3, 1859, pp. 82–86. (In Russ.)
4. Komarov, M. *Istoriya moshennika Van'ki Kaina. Milord Georg* [The Story of the Swindler Van'ka Kain], ed. V.D. Rak. St Petersburg, Zhurnal “Neva”; “Letnii Sad” Publ., 2000, 384 p. (In Russ.)
5. Lappo-Danilevskii, K.Yu. “L'vovskii kanon russkoi anacreontiki” [“L'vov's Canon of Russian Anacreontika”]. *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* [Literary Culture of Russia in the 18th century]. Issue 8, eds. P.E. Bukharkin, E.M. Matveev. St Petersburg, Gelikon Plyus, 2019, pp. 340–363. (In Russ.)

6. “Zhizn' Van'ki Kaina, im samim rasskazannaya. Novoe izdanie Grigoriya Knizhnika. Sanctpeterburg. 1859” [“The life of Vanka Cain, a new edition of Grigory Knizhnik, St Petersburg, 1859”]. *Otechestvennye Zapiski*, no. 2, 1859, pp. 94–100. (In Russ.)
7. Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ. Vol. 8, 1959, 1280 p. (In Russ.)
8. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] : in 10 vols, ed. B.V. Tomashevskii. 4nd ed. Leningrad, Nauka, Leningragskoe otdelenie Publ., vol. 3, 1977, 495 p. (In Russ.)
9. Rak, V.D. “Kommentarii” [“Commentary”]. Komarov, M. *Istoriya moshennika Van'ki Kaina. Milord Georg* [The Story of the Swindler Van'ka Kain], ed. V.D. Rak. St Petersburg, Zhurnal “Neva”, “Letnii Sad” Publ., 2000, pp. 329–382. (In Russ.)
10. Saltykov-Shchedrin, M.E. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : in 20 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (In Russ.)
11. Sumarokov, A.P. “Kritika na Odu” [“Criticism on the Ode”]. Sumarokov, A.P. *Polnoe sobranie vsekh sochinenii, v stikha i proze* [Complete Works, in Verse and prose], ed. N.I. Novikov. 2nd ed. Moscow, V Universitetskoi tipografii u N. Novikova Publ., vol. 10, 1787, pp. 77–91. (In Russ.)
12. Eikhenbaum, B.M. “Istoriya odnogo goroda” M.E. Saltykova-Shchedrina (Kommentarii) [“History of One City” by M. Ye. Saltykov-Shchedrin (Commentary)]. Eikhenbaum B.M. *O proze: sbornik statei* [On prose. Collection of articles], ed. I. Yampol'skii, preface by G. Byalyi. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie Publ., 1969, pp. 455–502. (In Russ.)